

Рагулина Милана Владимировна**Ragulina Milana Vladimirovna**

доктор географических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории
георесурсоведения и политической географии
Института географии им. В.Б. Сочавы
Сибирского отделения Российской академии наук,
профессор кафедры географии,
безопасности жизнедеятельности и методики
Педагогического института
Иркутского государственного университета

D.Phil. in Geography, Leading Research Associate,
Laboratory for Geographic Resource Studies
and Political Geography,
Sochava Institute of Geography,
Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences,
Professor, Department of Geography,
Health and Safety, Pedagogical Institute of
Irkutsk State University

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОГРАФИЯ ЭМОЦИЙ: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ

GEOPOLITICS AND GEOGRAPHY OF EMOTIONS: THE SUBJECTIVITY ISSUE

Аннотация:

В центре статьи работа Доминика Моизи «Геополитика эмоций», которая стала катализатором множества публикаций в данном направлении. Часто она позиционируется как провокационное и новаторское исследование, одно из первых привносящее субъектное измерение в аналитику геополитических процессов. В то же время существуют иные пути раскрытия значения эмоций как субъективных составляющих геополитических процессов. Подходы географии эмоций – нового междисциплинарного направления, примененные в геополитических контекстах, – позволяют получить более надежные результаты, свободные от личностных проекций. Мы полагаем, что включение эмоциональной проблематики в политико-географические исследования – закономерный результат развития современной научной картины мира. Продуктивное взаимодействие геополитики и географии эмоций должно сопровождаться взаимным методологическим обогащением. В статье рассмотрены основные направления возможного междисциплинарного поиска.

Ключевые слова:

геополитика эмоций, эмоциональная география, критическая геополитика, качественные методы, «эмоциональный поворот», раппорт, образ России.

Summary:

The paper focuses on the book “The Geopolitics of Emotion” by Dominique Moisi that is a source of inspiration for many published works. This innovative and provocative study looks at the subjectivity in geopolitics. At the same time, there are other ways of studying emotions as the subjective components of geopolitical processes. For example, a new interdisciplinary approach such as the geography of emotions presents the reliable findings free from personal projections. The author considers that the inclusion of emotions in the modern geopolitical studies is the result of the epistemological worldview development. The interaction of geopolitics, psychology and geography of emotions is fruitful for all these disciplines. The main directions of possible interdisciplinary relations are reviewed.

Keywords:

geopolitics of emotions, emotional geography, critical geopolitics, qualitative methods, “emotional turn”, rapport, image of Russia.

Геополитика и география эмоций. Большинство геополитических концепций оперировало категориями пользы и рациональности поведения индивидов, в том числе лидеров регионов и стран. Применение сциентистской методологии к исследованию геополитических процессов на протяжении долгого времени рассматривалось как парадигмальная категория [1].

На рубеже нового тысячелетия в теории геополитики произошли существенные перемены: глобализация мира, усложнение территориальной организации общества, рост информационных потоков и повышение мобильности населения привели к более сложным трактовкам географического (и геополитического) пространства – среды, которая не только содержит, но и трансформирует политические, экономические и культурные межгосударственные отношения. Помимо объективных составляющих геополитических интересов, в формирующийся постперестроечный отечественный научный дискурс входит субъектность, и одним из приоритетов становится восприятие общественной и политической жизни [2].

В зарубежной науке, преодолевая наследие сциентистской теории, сформировалось направление – критическая геополитика [3]. В ее основе – разочарование как в результатах моделирования поведения и эмоциональных реакций на основе экономической рациональности, так и в методах культурной географии, замкнутых на смыслах и значениях, избегающих социально-политических проблем [4]. Критическая геополитика разделяет взгляды социального конструктивизма, фокусируется на проблемах геополитической идентичности, создании географических образов и «воображаемых пространств», которые влияют на отношения стран и регионов.

Масштабы интересов критической геополитики простираются от общенаучных теорий, связывающих географический образ и характер современной мировой политики [5], до определения роли субъективных факторов в конкретных территориальных спорах.

Синхронно этому процессу в гуманитарном знании растет интерес к эмоциям: социология эмоций, эмоции и общество потребления, приложение психологических теорий аффектов и эмоций к решению задач урбанистики и архитектуры – всё это темы нарастающего количества публикаций. Складывается география эмоций – дисциплина, синтезирующая подходы названных направлений. Эмоции в географии рассматриваются и как объект исследования, и как широкий контекст, среда научного творчества. Такой рост популярности исследований обозначен как «эмоциональный поворот» – «emotional (affective) turn». Он оказал огромное влияние на гуманитарные науки, признав наличие эмоций в любых географических и социальных интерпретациях и понимании мира вообще [6]. По мнению К. Андерсон и С. Смит, геополитика, как и любая географическая дисциплина, имеющая дело с людьми и пространством, должна содержать размерности эмоциональной топографии [7].

Эмоции влияют на коллективное сознание, опосредующее поведение общества, и выявление этого влияния возможно с помощью качественных (интервью, нарративы, дискурс-анализ) и количественных (индекс доверия потребителей, показатели удовлетворенности уровнем жизни и др.) исследований [8].

Геополитические исследования в географии эмоций фокусируются на двух ключевых категориях: страха и надежды «во всей политической, социальной, экономической и культурной сложности проявлений в физическом мире, поддерживая разнообразие трактовок, поскольку прийти к единому пониманию таких непростых и разноликих феноменов невозможно» [9, р. 342].

Для сходных целей качественные и количественные методы использовались в социологии: на основе глубинных интервью и объективных данных предполагалось построение «индекса катастрофизма» (индекса катастрофического сознания) для отдельного респондента, групп, регионов и стран и картографирование результатов. Индекс катастрофизма должен был стать показателем выявления кризисного характера и «самочувствия» общества, его способности отвечать на вызовы внутреннего и внешнего характера, сохраняя и реорганизуя структуру и политику реагирования. Как и стресс, это индикатор либо развития, либо деградации, в зависимости от количественного порога и качественного характера, и может либо стимулировать состояние социального организма, либо подавлять его. Закономерности проявления страхов в постсоветском обществе конца 1990-х гг. выявлены с достаточной степенью надежности. Эта характеристика населения территории, по мнению авторов, исследовавших катастрофическое сознание, не менее важна, чем мониторинг физического и экономического положения социума [10]. К сожалению, дальнейшего развития данное направление в отечественной науке не получило. Изменение социально-политической и экономической ситуации в России снизило, как нам представляется, остроту кризисности эмоциональной и ценностной сферы общества по сравнению с 1990-ми гг., выдвинув на первый план иные исследовательские приоритеты.

В отечественной и зарубежной науке на пороге тысячелетия формируется примерно сходный круг идей о необходимости включения субъекта в геополитическую проблематику. Он стимулирован усложнением территориальной и социальной структуры общества, информатизацией и проницаемостью культурных границ, логикой развития науки, кризисом позитивистских подходов и естественно-научных методов в приложении к социопространственной проблематике.

Геополитика эмоций. Как мы отметили выше, круг идей относительно субъектности и эмоций в применении к геополитике находится в стадии формирования. Первая монография «Геополитика эмоций» Доминика Моизи стала своеобразной научной сенсацией: написанная и опубликованная в 2009 г. на французском языке, она в этом же году вышла в англоязычном, а в 2010 г. – в русском переводе [11]. Книга стала предметом дискуссий, цитирований, стимулом публикаций на сходные темы. Это первая переводная работа, знакомящая отечественного исследователя с эмоциями как геополитическим фактором. Автор полагает, что игнорировать эмоциональную природу политических и социальных конфликтов неразумно, и задается вопросом, возможен ли переход от общих рассуждений к поведенческим моделям, проясняющим специфику геополитической реальности. Связь между эмоциями и геополитикой выстроена через идентичность, ее наличие придает уверенность, а отсутствие либо недостаточная выраженность проявляется в эмоциях – страхе, надежде и унижении. Отслеживание эмоций на национальном уровне, согласно Д. Моизи, может охватывать несколько техник и возможностей. К примеру, индикаторами уверенности могут быть национальные успехи в спорте, архитектура, искусство, формализованные показатели доверия, структуры расходов и инвестиций, наличие межгосударственных соглашений. Источниками изучения эмоций становятся опросы общественного мнения, заявления лидеров, СМИ, киноискусство. «Диагноз» эмоционального состояния населения может быть

картографирован и использован для «терапии» – подкрепления правительствами позитивных и избавления от негативных эмоций своих народов. Обозначенные идеи близки рассмотренным выше отечественным и зарубежным аспектам методологии и теории и возражений не вызывают. Остановимся на практической реализации подхода. Д. Моизи анализирует триаду эмоций – надежду (уверенность), унижение (бессилие), страх.

Геополитическая локализация надежды, с точки зрения Д. Моизи, – Китай и Индия, где растущие экономики сопровождаются оптимистическими установками. Унижение связывается с исламским арабским миром, оно подпитывается изоляцией от современного мира, «ощущением исторического упадка». Центры страха – Европа и США, озабоченные потерей ведущей роли на международной арене (Европа) и отвержением со стороны остального мира (США). Это небесспорное мнение обосновано преимущественно авторским видением. Назвав комплекс индикаторов, Д. Моизи следует в основном «интуиции». Автор подчеркивает, что с Европой он не разделен расстоянием, которое даст возможность объективного взгляда со стороны, принадлежность Западу обеспечивает основу компетентности. Дистанция выступает как основа «беспристрастного» суждения, но есть опасение переноса своих эмоций на другой объект, которому присуще что-то другое. В полной мере эти опасения реализуются при описании России.

«Сложный случай» – Россия. Сплав унижения, уверенности и страха, согласно Д. Моизи, характеризует Россию. Слом системы ценностей, потерю статуса и территорий после распада СССР автор называет причиной переживаемого страной унижения. Задаваясь вопросом о том, что заставляет русских повторять «трагические ошибки», наполняя их стыдом и гордостью, апеллирует к имперскости, отсутствию представлений о четких границах, сочетанию географии и истории, культуры и традиций. Страх и унижение России углубляются «ксенофобскими традициями (?!) страны, которыми манипулируют власти ради достижения политических целей» [12, с. 165]. Ошибочен курс, по Д. Моизи, на увеличение внешней мощи страны вместо повышения уровня жизни, что ведет к неспособности стать «нормальной» страной с верховенством права. И наконец, следует заявить о том, что Россия, как и Иран, является «региональной державой» и имеет от него «одно серьезное отличие» – стремительное сокращение мужского населения, подверженного алкоголизму. Вряд ли уместно дискутировать с автором, тем более что часть «эмоциональных» аргументов не отвечает критерию попперовской фальсифицируемости, а остальные легко оспариваются. Так, для опровержения геополитической «региональности» России достаточно взгляда на карту и нескольких поисковых запросов в сеть Интернет. «Ксенофобские традиции» исторически неубедительны, тем более в сравнении с колониальным прошлым Европы и США. Подобные комментарии можно высказать по поводу остального текста книги, «упадка ислама», «надежд Индии» и т. д. Но для нас важно не это: методологически автор достиг цели, противоположной той, которую поставил, – намерение ввести субъект и эмоции в научный геополитический дискурс обернулось тем, что дискурс стал утрачивать черты научности, приобретаая признаки нарратива обыденного сознания. Значит ли это, что введение субъектных, эмоциональных факторов в геополитику обречено на провал? Мы полагаем, что это не так, и прояснить положение поможет география эмоций.

Субъект и раппорт как категории географии эмоций. Д. Моизи стремился к объективности – дистанцируясь, разработав методологическую схему и в то же время подчеркивая субъективный характер исследуемых процессов. В итоге, на наш взгляд, получились тексты, несущие незаметно для автора массу его собственных теневых проекций, обусловленных личной индивидуацией и культурными контекстами. Противоречивость субъекта в географии эмоций – неизбежное качество, его идентичность может быть вне-образна и невербальна, это сплав мотивов и конфликтов, вытесненных материалов бессознательного [13]. Проекция страхов на культурного «другого» закрепляется в идентичности посредством границ, разделяя тех, кто принадлежит и не принадлежит определенному культурному/физическому пространству. Эмоции как психологический и социально-психологический феномен включают мощный пласт бессознательного. Практическое исследование эмоциональной составляющей геополитических процессов должно исходить из принципов установления раппорта – необусловленной прошлым опытом, открытой новому и в то же время пронизанной глубоким доверием коммуникации, вовлекающей сознательные и бессознательные слои [14]. Это исследование не может быть простым «заполнением ячеек» в заранее построенной схеме.

Напротив, работа Д. Моизи при всей ее оригинальности и пионерности не нуждалась в сборе автором эмпирического материала – его установки уже сложились, и реальность была «подстроена» под мировоззренческие «линзы» автора. Баланс между сциентизмом и субъектностью заключается в том, чтобы «пройти по лезвию бритвы», не превращая респондента и его эмоции в поддающуюся калькуляции «вещь» и в то же время не «загородив» его проекциями собственных эмоций.

Таким образом, геополитика эмоций, по нашему мнению, актуальнейшая тема современности. Изучение ее требует широкого вовлечения эмпирической информации с помощью взаимно дополнительной, интегрированной системы качественных и количественных методов. Только их сочетание в состоянии дать полную картину происходящих процессов. Подходы к эмпирическим исследованиям активно разрабатываются в географии эмоций. Интеграция геополитики и географии эмоций обладает значительным методологическим потенциалом.

Ссылки:

1. Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика. 2014. № 4 (17). С. 6–14.
2. Колосов В.А. Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 86–94.
3. Müller M. Reconsidering the concept of discourse for the field of critical geopolitics: Towards discourse as language and practice // Political Geography. 2008. Vol. 27, no. 3. P. 322–338.
4. Bondi L., Davidson J., Smith M. Introduction: Geography's Emotional Turn // Emotional geographies / ed. by L. Bondi, J. Davidson, M. Smith. Hampshire (UK) ; Burlington (USA), 2012.
5. Agnew J., Muscarà L. Making political geography. Plymouth, 2012. 199 p.
6. Anderson B. Encountering affect: Capacities, apparatuses, conditions. Hampshire (UK) ; Burlington (USA), 2014.
7. Anderson K., Smith S. Editorial: emotional geographies // Transactions of the Institute of British Geographers. 2001. Vol. 26, no. 1. P. 7–10.
8. Anderson B. Op. cit.
9. Sparke M. Geopolitical fears, geoeconomic hopes, and the responsibilities of geography // Annals of the Association of American Geographers. 2007. Vol. 97, no. 2. P. 338–349.
10. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. М., 1999. 346 с.
11. Моизи Д. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир / пер. с англ. А. Патрикеева. М., 2010. 214 с.
12. Там же. С. 165.
13. Callard F. The taming of psychoanalysis in geography // Social & Cultural Geography. 2003. Vol. 4, no. 3. P. 295–312.
14. Pile S. Intimate distance: the unconscious dimensions of the rapport between researcher and researched // The Professional Geographer. 2010. Vol. 62, no. 4. P. 483–495.